

ЛИНИЯ СУДЬБЫ У ВСЕХ РАЗНАЯ

Когда-то, когда был мальчиком, я хотел стать актером. После окончания школы я даже пошел на актерский факультет. У меня дефект речи, но меня, тем не менее, приняли. Они сказали, что во мне есть, дескать, некий природный артистизм. Меня приняли, но папа с мамой посчитали, что если я закончу актерский факультет, то на всю жизнь останусь необразованным. Это было другое время. Я поступил на юридический факультет МГУ, который и закончил.

А мечта осталась. И я реализовался — хотя и несколько иначе, чем всегда хотел — в шестьдесят четыре года. В своей авторской программе.

Это было в 65-м. Трудный период. Я только что разошелся со своей женщиной. Жил на то, что посылала мне тетушка из Баку. И искал работу, потому что работы у меня не было. Никакой. Статьи мои никто никогда не печатал. Я все время вертелся около «Современника» — был такой околотеатральный мальчик. Подружился с Олегом Ефремовым, Лилией Толмачевой, Игорем Квашой, Олегом Табаковым. Самым моим близким товарищем был — и остается — Леонид Иосифович Эрман, и поныне являющийся директором «Современника». Я позволял себе делать какие-то критические замечания по поводу спектаклей, высказывал свое мнение. И Олег Ефремов однажды сказал:

— Слушайте, нам надо Вульфа ввести в художественный совет.

Ему ответили:
— Ты что с ума сошел? У нас в совете знаменитые критики — Соловьева, Свободин...

А Олег:
— Ну и пусть. Будет еще Вульф.

Меня включили в художественный совет, и даже среди моего близкого окружения такой поступок Ефремова вызывал недоумение. Самому же мне это дало очень многое. Это придало мне уверенность в себе.

Я жил на даче Бабановой, потому что квартиры у меня не было. Я приехал туда, сообщил ей об этом радостном для меня событии. На что она своим золотым голосом произнесла: «Молодец Олег, что сказал о вас эти лестные слова. Тем более, что ему это не свойственно. Я уверена: вы добьетесь многого. Конечно, может случиться так, что известность к вам придет поздно, но у каждого человека своя линия судьбы. Пойдемте на террасу пить чай».

Олег вообще очень помог мне в жизни. Я получил свою первую квартиру благодаря ему и благодаря заместителю директора «Современника» Лидии Владимировне Постниковой — я помню, кому должен говорить за это спасибо. Ее все называют Лялей, очень своеобразная и яркая натура. Она меня впахнула в кооператив, и вскоре я въехал в однокомнатную квартиру в Волковом переулке, где и прожил долгие годы.

Однажды в «Вечерней Москве» я увидел объявление о том, что создается институт международного рабочего движения при Академии наук. Как я узнал значительно позже, это название дал Суслов, очень влиятельная в то время фигура в ЦК. Поначалу же это учреждение должно было именоваться «Институт по изучению общественного сознания стран Запада». Им нужны были люди. Я уже являлся кандидатом наук, меня приняли. Попал в юридический отдел, который был мне скучен и неинтересен. Я пришел как-то домой и сказал маме, которую, получив квартиру, тут же вызвал из Баку: «Все, мама, я больше не могу. Я ухожу оттуда». Зарплата моя составляла 175 рублей. По тем временам неплохая зарплата.

Я стоял в буфете, у меня было очень грустное, должно быть, лицо. И там же стоял Мераб Мамардашвили, сейчас очень известный ученый, его работы преподают во всех вузах по курсу философии. И он говорит мне вдруг:

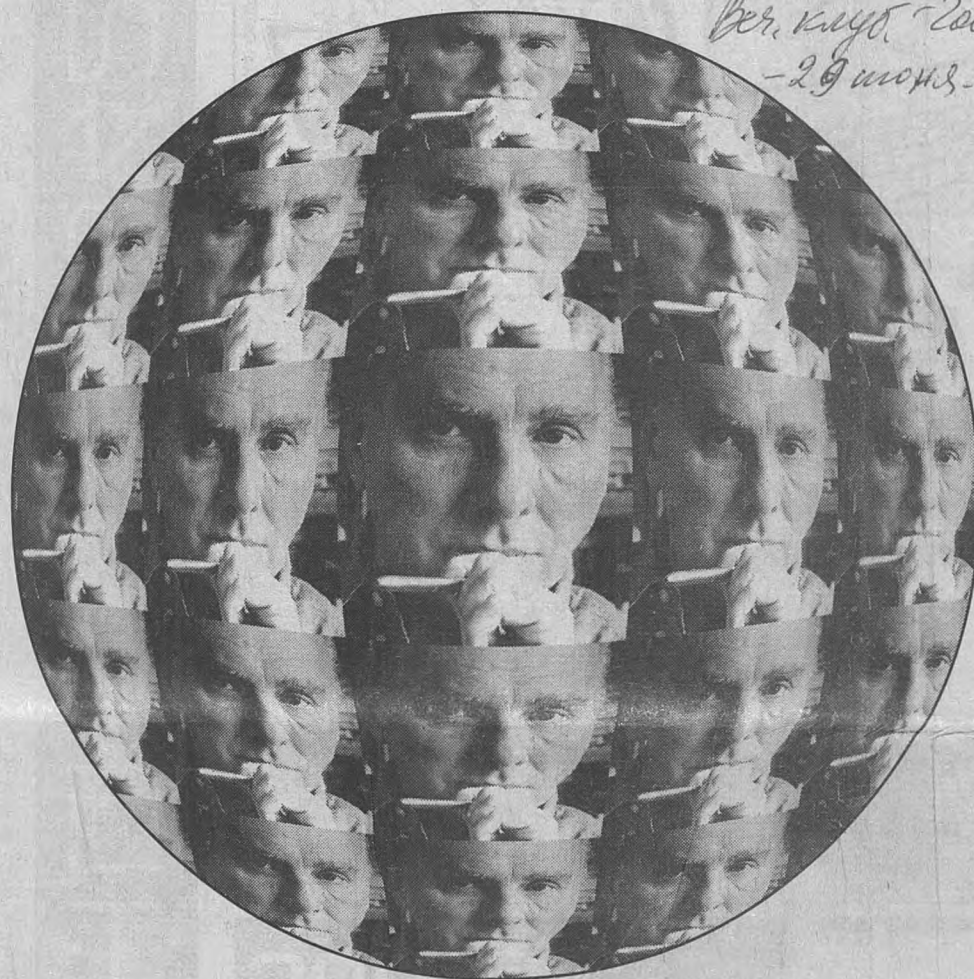
— Переходи в наш отдел.
Я удивился такому предложению и спросил его, разумеется:

— Что я могу у вас делать?
— А что ты любишь?
— Я, кроме театра, ничего не люблю, — ответил я.
— Вот и будешь заниматься американским театром. Язык ты знаешь.

— А как это в план вписать, — задал я еще один резонный вопрос. — И кто меня переведет?

— Об этом не беспокойся. Я поговорю с Тимуром. Тимур — директор института, Тимур Тимофеевич Тимофеев, член-корреспондент Академии наук. Это теперь он мой товарищ. А тогда, мне казалось, Тимур Тимофеев — большой начальник... Мераб пошел за меня просить, меня перевели. Моя первая тема называлась «Хиппи». И первая статья, опубликованная в журнале «Театр», была озаглавлена «Хиппи, как они есть». В то время вокруг нее поднялся определенный шум.

Виталий ВУЛЬФ: О МЭРИЛИН МОНРО ВОПРОСОВ УЖЕ НЕ ЗАДАЮТ

Речь Виталия Вульфа изобилует словами, которые ничего не значат: удивительный, чудный, прелестный. Эти слова ничего не значат, потому что не прибавляют к портретам его героев ничего. Но Вульфу прощают и его специфическую лексику, и его картавость, потому что факты в его «Серебряном шаре» тоже есть. Потому что, несмотря на все его «чудно» и «прелестно», он делает свою программу как хороший художник, по всем законам драматического искусства.

Потом создали отдел по изучению молодежного сознания. Я попал в него. Как-то наш начальник собрался в Америку на стажировку. Как всегда, началась драчка: кто будет заведовать сектором. Я в драчке участия не принимал, потому что не считал себя достойным этого места. И тут Мераб заявляет:

— Вульф, он дипломат. Вот он и будет временно исполняющим обязанности — вр.и.о.

— Мераб, ты сумасшедший. Я не член партии, я не общественник. На собрания не хожу.

Он ко всему этому отнесся философски, поэтому я стал вр.и.о. И стал получать бешенные деньги — 300 рублей. Потом я был и.о. Потом зав. Докторскую защищал уже в этом институте на тему «Театральная культура Америки 70-х годов и общественно-политическая реальность».

Я изучал то, чего не видел, но это не составляло для меня проблемы. Я изучал Америку, как историки изучают XVIII век — по книгам. Я очень много читал. В институт приходили «Washington Post», «New York Times», «News Week», «Times». Я выбирал статьи, посвященные театру, и создавал образ. Как сейчас создаю по книгам и документам образы героев моих программ.

Первая моя книга, вышедшая в 82-м году, называлась «От Бродвея немного в сторону». По ней до сих пор студенты театральных вузов узнают американский театр. Когда я впервые приехал в Америку в 89-м году, через семь лет после выхода книги, выяснилось, что, как ни странно, все мною написанное верно.

ТЕАТР И КИНО

Я увидел Бродвей своими глазами, и он меня не удивил. Он порождение своей страны. Первокласс-

ные мюзиклы. Они замечательно танцуют, двигаются. Десять лет назад мюзиклы у них получались лучше, но и сейчас американцы, несомненно, в этом жанре первые. Драматический же театр примитивен и скучен.

У них очень популярен секс-репертуар. Я видел в Америке такое, после чего Виктук кажется детским лепетом на лужайке. Помню, попал на один из таких спектаклей, и просидел все полтора часа, закрыв глаза рукой. Потому что сидел я на первом ряду, и в полутора метрах от меня люди делали то, что обычно является тайной постели. Тем более в таком неожиданном варианте.

Как-то мы с Аллой Демидовой пошли на пьесу О'Нила «Анна Кристи». Играла хорошая, вроде бы, актриса — Наташа Редгрейв, дочь Ванессы Редгрейв. Партнером был ее муж Лайэм Нисон, сыгравший главную роль в «Списке Шиндлера». Там их игрой восхищались. А я понимал, что ни он, ни она и рядом не стоят рядом с Гафтом и Нееловой. В том же «Современнике» им бы нашлось место только в масовке. Класс драматического искусства такой, как в России, я не встречал нигде.

В кино западные актеры хороши — не спорю. Но кино снимается по кусочкам. В кадре то лицо, то рука. Сейчас может сниматься сцена из конца фильма, через полчаса — из начала. Все это монтируется, озвучивается. В театре же актеру необходимо вжиться в образ от начала до конца. И продержаться в напряжении полтора часа.

Очень многие актеры кино совершенно бесполезны в театре. Но почти все театральные актеры под руководством хорошего режиссера могут работать в кино. Есть абсолютная звезда отечественного кинематографа — Любовь Петровна Орлова. В

театре, однако, она была средней актрисой. Никому и в голову не могло придти сравнивать ее с Тарасовой, Марецкой, Мансуровой. А они не любили кино. Бабанова — та вообще его не переносила. Но играла в такой, в общем-то, неприхотливой пьесе Арбузова «Таня». Пьеса шла тысячу раз с 39-го по 56-й год. Зал рыдал. И я тоже плакал так, как не плакал в жизни больше никогда.

«СЕРЕБРЯНЫЙ ШАР»

Я работаю на ОРТ. Мою программу, как сообщают статистики, смотрит 25 процентов населения. Иногда больше, иногда меньше — но около того. Я вынужден учитывать массовые вкусы. Изредка я провожу творческие вечера в разных концах страны. И вижу, что людей стали занимать судьбы наших актеров. Я сужу по вопросам, которые мне задают. Если раньше народ интересовали Мэрилин Монро, Элизабет Тейлор и Марлен Дитрих, сейчас вопросов о них я не слышу. Года три назад я делал передачу об актрисе Лидии Драновской. Был когда-то фильм «Поезд идет на восток». Он произвел на меня неизгладимое впечатление. На «ВИДе» никто не хотел, чтобы я делал эту передачу. «Виталий Яковлевич, с рейтингом не шутят, — говорили мне. — Никто не знает, кто такая Драновская». Я сделал эту передачу — ее повторяли дважды. Когда-то я сделал программу о Валентине Серовой, мифе сороковых-пятидесятых. Бог ты мой, ее повторили шесть раз.

Подготовка программы требует очень глубокого погружения в материал и серьезной работы. Я апеллирую к документам, и довольно точно соблюдаю фактологию. Когда я начинал делать «Шар», меня очень любили шпынять театральные критикессы — не могли никак привыкнуть, что человек из их среды вдруг выскочил на телеэкран. Один критик, Поляровский, написал что-то типа: «Позор Виталию Вульфу! В передаче о Сухаревской он сказал, что Гончаров ставил пьесу Чапека «Мать». А ведь это не Гончаров ставил, а ставил режиссер Баркан. А он фамилию Баркана не назвал, приписал постановку Гончарову». То есть такая маленькая ошибка должна была вызвать недоверие к передаче в целом. Я потом специально взял видеокассету с этой программой и просмотрел ее. Там не сказано, что этот спектакль ставил Гончаров. Там сказано, что в театре под руководством Гончарова была поставлена «Мать».

Мне приходится очень много читать. От этого болят глаза, я устаю, но поймать меня на фактических ошибках невозможно. Устаю я еще и потому, что мне приходится внутренне конструировать образы. А некоторые фигуры ой как непросто даются. Недавно я делал программу об Александре Фадееве. После нее Ив Монтан и Марк Бернес показались мне просто санаторием — я отдыхал на них. Фадеев был очень противоречивой фигурой. Участвовал в кампании по борьбе с космополитизмом. И — с другой стороны — помогал Анне Ахматовой. Воевал на фронтах гражданской и был сильным, как личность. Но, став председателем Союза писателей, пил беспорочно. Когда я однажды спросил его сына: «А твой отец никогда не хотел уйти от твоей мамы, Ангелины Иосифовны Степановой?», он мне на это ответил: «А разве он мог?» И потому он был, наверное, и слаб. Он покончил с собой, вопреки официальной версии, будучи трезвым. Написав при этом письмо — обвинительную речь в ЦК. И это опять характеризует его, как личность сильную. Согласитесь, о таком человеке непросто делать программу.

Решение о том, чтобы моя передача была, принимал Влад Листьев. Он был талантливый, интересный парень. Я с ним дружил, несмотря на разницу в годах. Мы общались с ним не так долго — всего полгода — но очень тесно. Даже съездили вместе в Париж с ним и Альбиной. Молодой человек и все его окружение с такими материальными возможностями, которых у меня, по крайней мере, никогда не было — в этом для меня была некая новизна. Но деньги его не испортили. Ему все было интересно. В Париже, в ливень, мы помчались в Фонтенбло — совсем не туристское место. А потом, запутавшись в парижских переулках, все под тем же ливнем, искали кладбище Сент-Женевьев де Буа. Это было за три недели до его смерти.

Он, несомненно, достоин того, чтобы стать героем одной из моих передач. Но такой передачи не будет. Потому что я стараюсь быть правдивым. Показывать как хорошие, так и не очень хорошие качества героев. Не говорить все до конца, но все-таки что-то говорить. Потому что суть моей передачи — это раскрытие личности. Правда жестока. И пока живы близкие потенциальных героев моей передачи, я не хочу причинять им боль, я не хочу их ранить.

Записал
Игорь МООР-ПЕРЕВЕРЗЕВ